

ВООБЩЕ-ТО, не такое уж малое количество людей может похвастаться, что из-за них когда-то едва не прикрыли нашу лавочку. У газеты трудная судьба. Зато какая тьма замечательных людей начинает отечески щуриться, стоит лишь показать удостоверение «Комсомолец!» Мол, не с тебя мир и газета начинались, голубчик. Не больно важничай.

Надо сказать, на наше название обостренно реагируют многие. Например, князь Юрий Баратынский, бизнесмен с актерским образованием (ГИТИС), четыре с половиной года в ФРГ, член ВАКСМ, вдруг пожелал повести историю своего комсомольства. Уезжая из страны, он встал насмерть за сохранение своего имени в списках Всесоюзного Ленинского Коммунистического. «Не расстанусь с комсомолом», — заявила его светлость. Сбить его с коммунистического выбора не смог даже ЦК АКСМ Латвии, где жил князь. — А взносы? — Буду приносить в торгпредство. — А как их принимать, они же в валюте? — Вам же лучше. — Но там свой мир! — Будет наш мир. — А как работу в организации будете осуществлять? — Торгпредство издает стенгазету, там и буду. Наконец его записали в категорию «выезжающие на постоянное жительство в соц. страны». На Калининском фестивале Юра очень просил узнать, в какой из стран народной демократии он имеет честь проживать по комсомольской линии.

Но вернемся к Войновичу. — **Вы не работали в «Московском комсомольце»?** — спросили мы Владимира Николаевича на премьере фильма «Шапка».

— Печатался, — гордо ответил он. — Однажды «Комсомолец» едва не разогнали из-за меня. В 64-м ваши по-

просили у меня какие-нибудь новые стихи. Одно стихотворение было об армейской службе — история о том, как солдаты приходят в деревенский клуб на танцульки, а девушки предпочитают им офицеров. Прочитав его, министр обороны маршал Ма-

● ВНОВЬ Я ПОСЕТИЛ

Владимир ВОЙНОВИЧ:

«В 64-м «МК» из-за меня чуть не разогнали»

линовский пришел в необыкновенную ярость. Созвал совет, сказал, что стихи стреляют в спину Советской Армии. В редакции подверглись репрессиям — от выговора до увольнения — пять человек. Среди пострадавших был нынешний ректор Литинститута Евгений Сидоров.

— **В давнейшей книге «Рассказы о твоих песнях» вас еще держали за молодого рабочего, пишущего стихи без отрыва от производства, — идеал поэта, который ставили в пример Бродскому. Когда вы почувствовали «перемени участи»?**

— Если и был период благополучия, то очень краткий и неустойчивый. Понравившиеся наверху тексты песен были опубликованы в сентяб-

ре 60-го, еще до полета Гагарина, а в январе 61-го напечатали мою первую повесть «Мы здесь живем», и мне сразу же стало поладать. Но тогда еще была оттепель, и даже существовал определенный плюрализм. На разных полюсах были «ЛГ» и нынеш-

няя «Литературная Россия» (тогдашняя «Литература и жизнь» — все ее называли «ЛиЖи») — она занимала приблизительно ту же позицию, что сейчас, только сейчас борются за Россию единую и неделимую, а тогда за коммунистические идеалы. Не успела появиться повесть, они на целую полосу поместили статью «Правда эпохи и мнимая объективность», где писалось: «Войнович придерживается чуждой нам поэтики изображения жизни как она есть», — формулировка, достойная того, чтобы быть высеченной на скалах. Я сначала на автора сердился, а потом признал, что в чем-то он и прав, что жизнь как она есть — очень смешная. И делают такую жизнь

люди совершенно без чувств — юмора.

— **Что в Союзе бросается в глаза человеку со стороны?**

— Настроение. Мне кажется, что сейчас больше шансов вылезти из какого-то болота: сделано несколько, хоть и незначительных, но

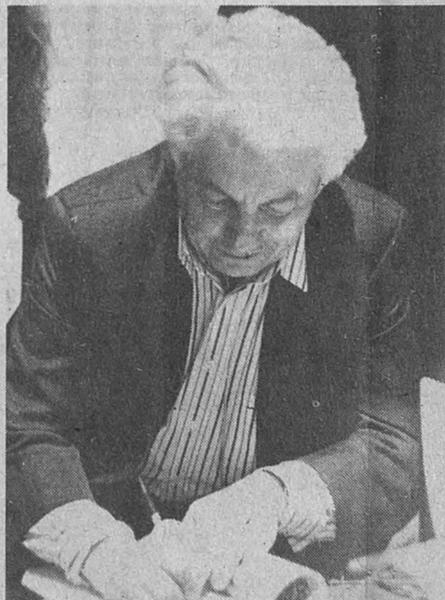

Фото Александра ГОРБАЧЕВА.

— Сегодня намеки, эзопов язык уже ничего не стоят. Был когда-то анекдот: поймали распространителя листовок — пустых бумажных страничек. — А почему ж вы ничего не пишете? — А и так все ясно. Так вот, все это уже не работает. Нужна новая художественная форма, которая придет с новым поколением. Нужно ждать поколение.

— **Будет ли продолжение «Чонкина»?**

— С июня этого года в «Юности».

— **Чем вы занимаетесь сейчас?**

— Живу в Вашингтоне по приглашению Университета Джона Кэннона. Было два Джона Кэннона: один — посол США при Сталине, другой дипломат начала века. Меня пригласил Университет Джона Кэннона-второго. Я сижу в башне над такой главной лужайкой Вашингтона (вроде Красной площади) и пишу третью книгу о солдате Чонкине.

— **Не думаете об экранизации «Иванькиады»?**

— Я против. Хотел бы, чтобы она поскорее ушла в прошлое. Но мы никак не можем расстаться. Сначала Сергей Сергеевич Иванько был моим соседом в Москве. Теперь этот же Сергей Сергеевич опять мой сосед, он живет через один дом от меня в Вашингтоне.

— **Вас читают там?**

— Все относительно. За 15 лет было продано 30 000 экземпляров «Чонкина» — по эмигрантским понятиям, это очень много. А здесь вышел сборник повестей «Хочу быть честным» тиражом 50 000 зарз — и это капля. Да еще часть тиража продается на валюту в «Березке» — правда, по западным меркам, недорого — 2 доллара.

— **Что еще должно быть опубликовано?**

— Книга «Антисоветский Советский Союз» (мой эссе, выступления и фельетоны, которые я читал по радио «Свобода») часть издана в маленькой «огоньковской» книжечке — тоже 50 000.

— **Всегдашний вопрос: вернётся ли вы в Россию?**

— Собираюсь. Но, во-первых, как я уже говорил, указ о лишении меня гражданства должен быть отменен без моего участия, как без моего участия он принимался. Помимо возвращения гражданства мне должны быть созданы условия: уезжая, я лишился всего, и квартиры в том числе. В качестве бонуса сюда приезжать не собираюсь. Кто-то из эмигрантов просил меня передать, что они так любят Родину, что готовы ползти сюда на брюхе. Я не люблю такую родину, на которую нужно ползти на брюхе.

Денис ГОРЕЛОВ.

Р. С. «Шапку» поставил режиссер Константин Воинов, который в худшие годы собирался делать с Войновичем фильм «Хочу быть честным». На главную роль уже был утвержден Жженов, только за пять лет до этого вернувшийся из лагерей, но создатели вызвали в Госкино и поставили в известность о запрете. «И название-то какое вызывающее — «Хочу быть честным!» — сказали тогда.

В роли Ефима Рахлина — Владимир Ильин, Баранова играет Евгений Евстигнеев («По замыслу, Баранов молодежь, но Евстигнеев уж больно хорошо играет, я его признал», — говорит Войнович). За маршала Побратимова — кто бы вы думали? — Армен Джигарханян, за Кукушу — Лидия Федосеева-Шукшина, за Большого Писателя Каретниково — Игорь Владимиров, за бывшего кагэбэшника, позже прозаика Лукина (реальная фигура!) — Олег Ефремов.